

Л. И. САЗОНОВА

**ПЕРЕВОДНОЙ РОМАН В РОССИИ XVIII ВЕКА
КАК ARS AMANDI**

В ассамблеях петровского времени рождался в России галантный XVIII век. На смену средневековому типу общества с домо-строевским, т. е. замкнуто-домашним, укладом жизни приходило новое — светское — общество, которое остро нуждалось в выработке нового языка культуры, регламентирующего нормы отношений, правила, этикет поведения. Формировавшееся на руинах русского средневековья, не имевшего собственной традиции светской жизни, это общество искало для себя образцы в готовом культурном опыте, которым располагал Запад. Учиться нужно было всему, что входило в сферу общественной и частной жизни европейца, и не в последнюю очередь — куртуазности, представление о которой в русской культуре до сей поры отсутствовало.

У древнерусской литературы была своя несвобода, свои непреодолимые запрещения — как следствие типа культуры, сформировавшейся в кругу идей византийского христианства и вне влияния античности. Один из главных запретов налагался на тему любви. Любовь-наслаждение никогда не становилась предметом поэтического воспевания, оставаясь за порогом русской средневековой христианской доктрины, составлявшей стержень всей социально-культурной жизни общества. Как уже отмечалось, «древнерусская литература признавала только семейную, узаконенную любовь, отвергая и любовь-страсть, и идеальное обожание прекрасной дамы».¹ Супружеской любви, пользовавшейся безусловным моральным авторитетом, противостояло на другом полюсе понимание любви в традиционной трактовке — как греховного блуда.²

¹ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 18.

² См. также Сазонова Л. И. Поэзия барокко в славянских странах в свете исторической поэтики (западные, восточные и южные славяне) // Славянские литературы. X Международный съезд славистов. М., 1988. С. 121–122.

О том, что литература не знала иных уровней любовных отношений — к примеру, любви «издалека», шаловливой, утонченной, галантной и т. п. — и не была искушена в их изображении, свидетельствует, в частности, словарь древнерусского языка. Запечатленные им такие понятия, как *любовь*, *любы*, несут на себе печать средневекового взгляда. В первую очередь они обслуживают религиозные контексты, где речь идет о христиански возвышенной любви — любви к Богу и ближнему. Когда же эти слова обозначают «страсть, влечение к лицу другого пола», им сопутствует, как правило, моральная оценка: «Да будет женитва свѣтъла, и не примесна *любви скверьнавѣ*», «*Слѣпая любы* ему же в сердце ся влѣпить того охромить, или ослѣпить» «*Любы творити*» означает «развратничать, прелюбодействовать», хотя есть и глагол «*любовати*» — «ласкать». «В той же час пришел царь Поръ ко царице и *любует* ея и изложит ея на царскую постылю». Другие понятия имеют иные, чем в новое время, значения, к примеру «*Любовник*» значит «любимец, друг, почитатель, сторонник, приверженец». «Нынѣ у тебя сын ево (Федора Кошки) Иван, казначеи твои и *любовникъ*, старъишина». «*Любовницею*» же «Слово и поучение против язычников» называет пляшущую женщину, которая «и невѣста сотонина нарицається, и *любовница диявола*, супруга бесова»³. И лишь в поздней повести о Фроле Скобееве описание любовных отношений героя приобретают оттенок игривой фривольности. Фрол явился к дочери стольника с твердым намерением «возьметъ любовь» с нею, «лежа с Аннушкою < > не взирая ни на какой себе страх и ростлил ея девство»,⁴ а в другом списке добавлено, что он веселился с нею «чрез всю ночь телесными забавами»,⁵ — любовная история имела, однако, благочестивый исход и увенчалась браком, что вполне согласуется с традиционной моралью.

Древнерусская литература как часть культурной общности *Slavia Orthodoxa* не входила в сферу влияния латинского языка, а следовательно, и латинского античного наследия. Культура же Западной и частично Центральной Европы задолго до Ренессанса была знакома в значительной мере с латинской классической поэзией, особенно с Овидием, самым светским из античных авторов. В Древней Руси имя Овидия впервые встречается, как установил П. Н. Берков, в переводном памятнике XII–XIII ве-

³ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 329–331.

⁴ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 55, 57.

⁵ Хрестоматия по древней русской литературе / Сост. Н. К. Гудзий. М., 1973. С. 414.

ков,⁶ однако собственно русская «овидиана» начинается с XVI века, при этом известность Овидия ограничивается лишь упоминанием его имени и фрагментарным цитированием, «ни одно его произведение до конца XVII века полностью переведено не было»⁷ Только с петровского времени появляются переводы учебно-повествовательной поэмы «Метаморфозы», представляющей собой энциклопедический свод античной мифологии и мифологизированной истории, включавший в качестве одной из тем истории о любви (Аполлон и Дафна, Орфей и Эвридика, Филемон и Бавкида и др.) Как автор «Любовных стихотворений» («Amoges») и «Науки любви» («Ars amatoга») Овидий, научивший языку любви средневековую Европу, оставался в России вплоть до XVIII века неизвестен⁸

Вдохновлявшиеся лирикой Овидия трубадуры создали культ куртуазной любви. Они не только воспели эту любовь в своих пламенных кансонах, но и в специальных ученых трактатах разработали этику отношений благородного рыцаря и дамы его сердца. Кодификацию куртуазной любви предлагают латинские памятники «овидианского возрождения» XII–XIII веков⁹ Если в Европе и после эпохи трубадуров существовала в той или иной форме непрерывающаяся традиция куртуазности, то в России при ее отсутствии в момент возникновения и формирования светского европеизированного общества галантному стилю поведения надо было учиться. Западноевропейский роман оказал здесь неоценимую услугу.

Знаменательно, что как раз на условной границе старого и нового времени располагаются первые переводы известных западноевропейских романов, и в том числе французский прециозный роман Поля Тальмана «Езда в остров Любви», вышедший в Париже в 1663 г. Переводом этой книги (1730) В. К. Третьяковским открыл новую для русского читателя тему «*сладкия Любви*». Историко-культурная ценность текста, стоящего у истоков перевод-

⁶ Берков П. Н. Овидий в русской литературе XVII–XVIII вв. // Вестник ЛГУ. 1973. № 14. С. 88.

⁷ Николаев С. И. Овидий в русской литературе XVII века // Русская литература. 1985. № 1. С. 206.

⁸ Факт цитирования дипломатом и писателем XVI века Ф. И. Карповым в послании митрополиту Даниилу нескольких строк из «Науки любви» Овидия не отменяет справедливости данного положения.

⁹ См. Гаспаров М. Л. Любовный учебник и любовный письмовник (Андрей Капеллан и Бонкомпаньо) // Жизнеописания трубадуров Жан де Нострдам / Изд. подгот. М. Б. Мейлах. М., 1993. С. 571–573 (Сер. «Лит. памятники»).

ной любовно-романной беллетристики в России, безусловна: «сладкая любовь» — это уже не средневековая интерпретация темы, а непосредственное отражение ренессансных и постренессансных представлений. Жизнь во Франции позволила студенту Третьяковскому оценить значение по-европейски культурных форм галантного общения и для русского общества, и он избрал для перевода роман, который в Европе к тому времени хотя и стал уже архаичным, но тем не менее оказался вполне подходящим для культурной ситуации в России. Как отметил Л. В. Пумпянский, «это была аллегорическая энциклопедия любви, в которой предсмотрены были все случаи любовных отношений < . . . > Новое общество получило кодекс французского любовного „политеса“. С этой книги начинается история офранцужения дворянской бытовой и моральной культуры».¹⁰

Хотя жанр романа не вписывался в эстетическую систему классицизма и несмотря на общее отрицательное отношение к нему русской писательской элиты, проявившееся в известной дискуссии середины XVIII века, он пользовался у читателей все возрастающим интересом. Чтение романов стало новым способом заполнения досуга, романы читали и на языке оригинала, и в переводе. Как заметил гёттингенский профессор философии К. Мейнерс, «немцы, может быть, превосходят другие нации множеством романов, а русские пропастью их переводов».¹¹ Задаваясь вопросом: «Что такое большею частью у нас переводят?», критика отвечала «То, что лучше расходится, а лучше всего расходятся романы».¹² Следовательно, для внедрения нового жанра в русскую литературу существовали дополнительные причины и стимулы.

Роман не только открывал окно в мир иной культуры, но и выступал в функции учебника поведения, шире — учебника жизни. Французский теоретик Пьер Даниэль Гюэ, чей трактат в защиту романа был издан в России в переводе, писал романы «суть немые наставники, которые вступают на место гимназических и обу-

¹⁰ История русской литературы. М., Л., 1947. Т. 4. С. 239–240; см также Сазонова Л. И. Переводная художественная проза в России 30–60-х годов XVIII в. // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 117–122; Лотман Ю. М. «Езда в остров Любви» Третьяковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 222–230; Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII–XIX века. М., 1985. С. 134–146.

¹¹ Мейнерс [К.] Главное начертание теории и истории изящных наук / Пер с нем Павлом Сохацким М., 1803. С. 344.

¹² Северный вестник 1804 Ч. 3 С. 292.

чают говорить и жить гораздо убедительнейшим способом < > о которых можно сказать то, что Гораций говорил об Илиаде Гомеровой, то есть, что она предлагает нравоучение гораздо полнее и лучше, нежели самые искусные философы»¹³

Французский аббат Жан Батист Морван де Бельгард, чье рассуждение о романе тогда же было переведено на русский язык, имея в виду пользу романа для жизни света, писал « как романы суть изображением того, что происходит в свете, то мало находится таких материй, которые б не были тут предлагаемы благородным, возвышенным, вежливым образом, все тонкости и изрядства языка в них употребляются»¹⁴ Таким образом, роман — своего рода учебник для светского общества, призванный воспитывать достоинство и обходительность в поведении, изящество и убедительность в словах

Согласно общепринятому в XVIII веке представлению, главный предмет романа — любовь, в определении того же Гюз романы «не иное что есть, как вымыслы любовных приключений, написанные прозою с искусством для забавы и наставления читателей»¹⁵

Открывая русскому читателю тонкости куртуазного мировоззрения, воспитывая новое отношение к любви как к духовному наслаждению и плодотворному переживанию, западноевропейский роман в русской культуре XVIII века и, как увидим далее, даже в XIX веке, выступал в функции своеобразной практической риторики, где читатель мог найти готовые образцы любовных объяснений, диалогов, писем, описание разнообразных любовных ситуаций и т.д. По роману учились галантному поведению и чувствам. Обучая высокому служению любви, роман обслуживал тем самым сферу деликатных человеческих отношений, которая до той поры оставалась в России вне риторической культуры. Риторизация общественной жизни, начавшаяся здесь во второй половине XVII века, затронула прежде всего придворный церемониал, для которого была разработана разветвленная система коммуникативных ситуаций с соответствующими им образцами речей и стихотворных текстов, распределенных по всей многоступенчатой иерархии феодально-сословного общества «к царю» от «государя царевича», от «служащих», от «раб», «ко архиерею», «к монахом», «внук к дедушке», «к родите-

¹³ Г. Гузция Историческое рассуждение о начале романов, с прибавлением Беллегардова Разговора о том, какую можно получить пользу от чтения романов / Пер с франц языка Иваном Крюковым М., 1783 С. 87

¹⁴ Там же С. 111

¹⁵ Там же С. 4

лем», «сын к отцу», «к стрью», «к благодетелю», «к сроднику», «боярыни» и т д¹⁶

Любовному роману предстояло восполнить пробел, возникший в области новой светской культуры. Выступая не только как художественный текст, но и как руководство в сфере любовного политеса, он сыграл заметную роль в риторизации любовного поведения и воспитании искусства куртуазного обхождения. Роман — своего рода *ars amandi*: наука любви. Именно такую репутацию он имел в русском писательском и читательском сознании XVIII века. Для одних роман в таком качестве был в высшей степени привлекателен, другие ставили под сомнение его нравственную сторону. Обрушиваясь на роман со строгостью защитника высоких духовных ценностей, М. Херасков оставил тем не менее любопытное замечание, из которого следует, что роман воспринимался как кодекс изящной эротики: «*Романы для того читают, чтоб искуснее любиться, и часто отмечают красными знаками нежные самые речи* (курсив мой — Л С), а философия, нравоучения, книги до наук и художеств касающиеся и тому подобные, не романы, и их читают не для любовных изречений»¹⁷. В романе находят также образцы писем «всяких родов ласкательных, любовных, дельных и шуточных»¹⁸. На риторическую роль романа как грамматики любви указывает и Н. Осипов, переводчик Овидия, атакуя клишированную поэтику любовного романа: «Гораздо лучше любить по Овидиевски, нежели по правилам любовных романов, гораздо приятнее сорвать от красавицы горячий поцелуй, нежели стоять пред нею на коленях, вздыхать и плакать» (курсив мой — Л С)¹⁹.

Значительную роль в риторизации любовного поведения сыграли не только собственно романы, но и произведения с рассуждениями о любви, кодифицирующие формы галантного поведения на основе опыта романной беллетристики, а также поэзии и драматургии. Одно из таких пособий XVIII века — «Любовный лексикон» французского автора Жана Франсуа Дре дю Радье (1714–1780) — издано в русском переводе в 1768 г., о его привлекательности для русских читателей может свидетельствовать последовавшее спустя десятилетие повторное издание «у Н. Новикова» (1779) «Лексикон» открывается посвящением дамам «Красавицам,

¹⁶ Подробнее о риторике как «грамматике» церемониала см. Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко. М., 1991. С. 48–52.

¹⁷ Херасков М. О чтении книг // Полезное увеселение. 1760. № 1. С. 5.

¹⁸ Г. Гуэция. Историческое рассуждение о начале романов. С. 110.

¹⁹ Овидиевы Любовные творения, переработанные в Энеевском вкусе Николаем Осиповым, 1798 года. СПб., 1803. С. 6 нenum.

усердное приношение» Переводчик и в некотором отношении соавтор книги А В Храповицкий видит ее назначение в том, чтобы обогатить и усовершенствовать язык и словарь любви, которая благодаря Овидию, приметившему «любовныя хитрости» и сочинившему «книгу о любовном искусстве», «зделалась наукою» Ныне эта наука «пришла в гораздо большее совершенство и приняла разные наречия, для коих потребно изъяснение Те, которые уже в ней искусились, легко могут познать пользу сего Лексикона, и рассматривая свои ошибки, верно найдут, что оне произошли от неразумения какого ни есть слова»²⁰ Вместе с тем «Лексикон» несет на себе отпечаток светской жизни французского общества, где за многие века сложилась не только высокая, но и сниженная традиция куртуазности с пародированием галантных нравов «Лексикон» предостерегает представительниц «преlestного женского пола» от опасностей, подстерегающих их на тернистом пути любви при встрече с «волокитами», чья природа — «ветреность и непостоянство» (7)

«Лексикон» включает в порядке алфавита слова и словосочетания, относящиеся к этике любовных отношений, к примеру «Ах», «Безпокойство», «Верность», «Вечность», «Взгляд любовницы», «Вздыхание», «Волокита», «Восхищение», «Гименей», «Дарить», «Добродетель», «Доступ», «Жалобы», «Искренность», «Клятвы», «Кокетствовать», «Красавица», «Любить», «Любовник и любовница», «Любовное объявление», «Любовное похождение», «Мода», «Нежность», «Ненавидеть», «Непостоянство», «Нравиться», «Обещания», «Обман», «Обожать», «Письма», «Питаться воздухом», «Пламень», «Похвала и ласкательство», «Приятность», «Сердце», «Ссоры», «Стихи любовныя», «Страдание», «Тайна», «Тет-а-тет», «Уборы», «Увы!», «Узы», «Холодность», «Целовать», «Чрезмерно» и др

Каждое понятие в «Лексиконе» снабжено комментарием, где раскрывается его значение в контексте определенной любовной ситуации, иногда не без иронии или с морализирующей оценкой, даются те или иные рекомендации, соответствующие этикету любовного поведения То, над чем иронизировал тридцать лет спустя переводчик Овидия Н Осипов, предстает как естественная норма поведения как романного, так и светского кавалера Почти текстуальная близость его рассуждения к статье «Верность» из «Лексикона» свидетельствует о традиционной нормативности в выражении переживания любовного чувства «Верныя и страстныя любовники довольно видны на театре, а в свете верной

²⁰ [Дре дю Радье Ж-Ф] Любовный лексикон / Пер с фр СПб, 1768 С 5 Далее ссылки на это издание даются в тексте, в скобках указаны страницы

любовник есть тот, которой еще не видел никакой благосклонности от своей любезной Он тогда еще *становится пред нею на колени, ахает, вздыхает, страстно произносит вытверженные из романов слова* » (12–13, курсив мой — Л С)

Заинтересованный читатель мог почерпнуть из других статей более подробное толкование обязательных выражений, без которых немислимо объяснение «*на коленях*», далеко не всегда отличающееся искренностью Так, «ах! часто употребляется в любовных речах и изъясляет иногда великое желание уверить в том, о чем не думаешь Также служит остановкою для переводу духа, когда любовник, заговорясь, заблуждается в мыслях и мешается в словах „Ах! как Вы несправедливы Ах, немилосердая!“ Значит „Для чего вы мне не верите, я делал все, что надлежало по любовному обряду, говорил, вздыхал и лгал сколько было можно, ах, конечно, мне нелегко!“ Сие словцо иной почтет за безделку, но умной стихотворец всегда употребит в свою пользу Он может, писавши и без смыслу, одними ахами означить полустышие и дать силу и нежность своим стихам Ах! весьма помогательное словцо» (10–11)²¹ «„Увы!“ так же, как и „Ах!“ считается любовным междометием, и оным украшают жалобы, печаль и всякия неприятныя случаи » (65–66)

У страстного любовника в арсенале испытанных средств обольщения упоминавшиеся *вздыхания*, так же как жалобы и страдания «Вздыхание < > оно не столько в обращении, сколько много о нем говорится Чтож касается до любовных писем и стихов, то они необходимо должны быть наполнены вздыханием, терзанием и протчими на то похожими словами Ссылаюсь на все елегии, что и оне не без вздохов» (14), «Жалобы, обыкновенное любовников упражнение, у них и речи, и письма ими наполняются » (25), «Страдание, должно быть по любовному уставу, и оно хотя в стихах „Страдаю день и ночь, страдаю всякой час, / А ты не веришь мне и убегаешь с глаз“, хоть в прозе *Сколько я страдаю за свою любовь!* — значит как по любовным, так и по театральным правилам надлежит любовникам страдать и мучиться И так хотя ни мало того не чувствую, но по крайней мере должен употреблять в речах » (63) Письма же, как утверждается в особой статье, «в любви небезполезны Граф Бюсси сказал „Пиши и день, и ночь, затем что любовь питается письмами “» (51)

В «Лексиконе» даются советы дамам, как вызвать любовь мужчин «Уборы и все наряды, украшающия прелестный пол, имеют

²¹ Ср со значениями междометия «Ах!» в «шегольском наречии» Опыт модного словаря шегольского наречия // Живописец 1772 Лист 10 С 73–76

основанием желание нравиться и внушать любовь < > Известно всякому, что первейшее любовное искусство есть уметь одеваться, то есть знать разные выгоды уборов» (65) Важнейшей деталью «уборов» могут быть «алмазы», придающие большее сияние красоте, их можно уподобить «магниту, ибо они имеют силу привлекать любовников» (9) Раскрываются и приемы, с помощью которых мужчины обольщают дам, используя свойственные им слабости «Обожать Священное слово, которое с некоторого времени вошло в любовные речи < > все мужчины совершенно знают сродное прелестному полу самолюбие, и что им не неприятно слыть некоторого рода богинями Для чего любовник и говорит „Не токмо я вас люблю, я вас обожаю “» (48)

Знаменательно, что в «Лексиконе» слово «Мода» определяется в своем новом значении как относящееся не только к одежде и речевому поведению, но также к любовному обхождению Оказывается, вечная как мир любовь тоже подчиняется моде, которая «родилась во Франции тело, сердце и разум ей подвластны, ныне думают, говорят, пишут, одеваются, ходят, одним словом, во всем поступают по моде Безпредельная ее власть простирается и над любовью < > постоянство, верность и искренность теперь изгнаны сею правительницею, но возведены в их степень ветренность, вероломство, притворство, лезть и обман» (40)

Не обошел вниманием «Лексикон» роль ума и сердца в любовной игре, подчеркивая как неуместность в ней первого, так и ведущее положение второго «Ум Умствовать в любви не кстате, Купидон не философствует, не внушает сладостных желания и ненавидит разум, которой противится таким желаниям И так *Вы меня сводите с ума* значит естли влюбленному не должно иметь разсудка, то постараюсь вас уверить, что я его лишился » (67), «Серце, довольно употребительное слово как в стихах, так и в прозе *Вы владеете моим серцем Мое серце к вам чувствует любовь* и пр Не сильнее других слов, составляющих любовные речи Часто для извинения своей глупости клепят на серце, что оно противится разуму » (59) «Лексикон» часто приводит слова в их метафорическом значении, которое они обретают в фигуральных речах влюбленных «Узы, или оковы, суть стихотворческия наречия, когда серце в узах или оковах, то значит, что то серце влюблено » (66)

Автор «Лексикона» предупреждает девиц, что такие ценности куртуазной этики, как нежная любовь, исполненная переживаний, способных принести влюбленному высшую радость, никак не предполагают брака «Нежность, нежная любовь не терпит грубых женидьбы » (43)

Предметом иронического обыгрывания становятся любовные банальности «Вручить „Я вам вручаю сердце, пронзенное вашими прелестями“, романические слова, означающие пустоту И какая прибыль красавице от такого сердца, которое молодчик отдает и берет назад одними только словами?» (17) Шутливо-игровое истолкование получает слово «вечность» «Вечность В любовных обращениях гораздо покороче той, которая конца не имеет Любовник говорит *Я вас вечно буду любить* < > И так сие значит я вас столько времени буду любить, насколько станет моей любви» По любовному календарю «вечность у них продолжается несколько недель < > гораздо много, когда четыре недели» (13–14)

«Лексикон» напоминает дамам, что любовное ухаживание не исключает обещаний, которые суть обман «Обещания < > главное намерение всех любовничьих обещаньев состоит в том, чтоб их не исполнять », «Обман, чаще в любви употребляется, нежели о нем говорится » (47)

Статья «Цаловать» выдает заметное вторжение переводчика в текст «Лексикона», в котором сравниваются присущие любовной игре моменты у французов и у русских в разные времена «Цаловать Читатель, может быть, не знает, что во Франции в прошлое время и один поцалуй не безделицею почитался, но ежели жених до свадьбы умрет, то невеста за данной поцалуи имела права требовать половину имения умершаго У нас и в старину поцалуи не были в такой цене, а ныне так же, как и во Франции, даются любовникам без малейшаго размышления, однако искусныя молодчики умеют из того получать пользу они знают, что до совершеннаго успеха надлежит доходить по малу < > и так хоть цалование ничего не стоит, но по времени обещает и другия благосклонности» (70–71)

Можно наблюдать, как формы поведения, сложившиеся в живой практике общения, перетекали в литературу, подвергались систематике в кодифицированной риторике любовного поведения и уже в качестве моделирующего образца вновь возвращались в реальность жизни, откуда снова переходили в литературу Как характерную черту поэтики бытового поведения XVIII века Ю М Лотман отметил то, что «определенные формы обычной, каждодневной деятельности были сознательно ориентированы на нормы и законы художественных текстов и переживались непосредственно эстетически»²² По западноевропейским романам и текстам вроде «Любовного лексикона» русские дворяне учились галантному обхождению и науке любви Этот тип поведения, сохранившийся и в XIX веке, запечатлела русская классика Словами романов объяс-

²² Лотман Ю М Избранные статьи Таллинн, 1992 Т 1 С 248

няются герои Пушкина В «Пиковой даме» письмо Германна «содержало в себе *признание в любви* оно было нежно, почтительно и *слово в слово взято из немецкого романа*»²³ В «Метели» Бурмин — в сцене объяснения в любви «„Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно “ (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St-Preux)»²⁴ Бурмин изъясняется полудитатами из писем Сен-Пре, героя широко известного романа Ж-Ж Руссо «Юлия, или Новая Элоиза»²⁵ Фразеология любовных романов переходила в обиход разговорной речи, в любовные письма, что служило причиной многочисленных издевок и пародий «Адская почта» иронизирует над неким Ливием, который включает в свои письма возлюбленной «нежные стишки», взятые у сочинителей любовных романов «Каждое в авторах нежно выраженное „Ах!“ было у него карандашом замечено и назначено для будущих писем»²⁶

Из романа в жизнь и из жизни в роман перетекал и такой весьма распространенный в свое время вид текста, как «карта любви», или «карта нежности», — своеобразный путеводитель по стране галантных чувств О «*Carte du Tendre*» стало известно в России из французских аллегорических романов XVII века, впервые из «Езды в остров Любви» П Тальмана, где любовным переживаниям героев соответствует аллегорическая топография В заметках Пушкина, пересказывающего фрагмент из романа Альфреда де Виньи, встречается описание такой «карты нежности» «У славной Марии Делорм, любовницы кардинала Ришелье, собирается общество придворных и ученых Скюдери толкует им свою аллегорическую карту любви Гости в восхищении от крепости *Красоты*, стоящей на реке *Гордости*, от деревни *Записочек*, от гавани *Равнодушия* и проч и проч»²⁷ Комментируя этот текст,

²³ Пушкин А С Полн собр соч М, 1938 Т 8 С 237 Курсив мой

²⁴ Там же С 85

²⁵ См также Лотман Ю М Беседы о русской культуре СПб, 1994 С 71, Шмид В Проза Пушкина в поэтическом прочтении «Повести Белкина» СПб, 1996 С 223–225

²⁶ Адская почта 1769 Письмо 33

²⁷ Пушкин А С Полн собр соч Т 12 С 141 (<О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»>), ср Виньи Альфред де Сен-Марс, или Заговор при Людовике XIII / Пер с фр А. Очкин 2-е изд СПб, 1835 Ч 3 С 184–187 Роман «Клеяния» модной французской писательницы XVII века, о котором упоминает Скюдери, ее брат и герой романа Альфреда де Виньи, имел хождение в России XVIII века в рукописном виде (см Пытин А Н Для любителей книжной старины Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века М., 1888 С 57)

Б В Томашевский писал составителям «Словаря языка Пушкина» «перевожу то место из двадцатой главы романа, которую пересказывает Пушкин „Скюдери поднялся с бахвальским и педантским видом и, развернув на столе род географической карты, украшенной голубыми лентами, сам стал показывать линии, проведенные на ней розовыми чернилами «Вот лучшее место из „Клелии“,— сказал он,— эту карту находят чересчур галантной, но ведь это только умственная забава, для развлечения нашего узкого литературного кружка Однако имеются странные люди на свете, и я боюсь, что у тех, кто ее увидит, не найдется нужного расположения ума для ее понимания Вот путь, которым надо следовать, чтобы от Новой Дружбы достичь Нежности »“ В таком духе продолжается сцена Под конец читаем „Все они склонились над картой Нежности и их пальцы переплетались, следуя извилинам любовных рек“

Итак, в романе Виньи Скюдери показывал действительно карту, составленную по роману „Клелия“ Что касается этого произведения мадемуазель Скюдери, осмеянного сатириком Буало, то у меня его нет Судя по данным словарей, к роману рисованной карты не прикладывали, а просто в самом романе описывается, как древние римляне рисовали географическую карту любви При том карта эта так подробно описана, что любителям нетрудно было ее начертать Во всяком случае, это действительно карта, а не что-нибудь иное, по типу географических карт, хотя и выдуманная, причем выдуманная в качестве аллегорической»²⁸

Именно такая карта галантной и салонной любви была в ходу у русского дворянства и в начале XIX века, о чем упоминает Л Толстой в романе «Война и мир», характеризуя детскую влюбленность Наташи Ростовой и ее двоюродного брата Бориса Вера, сестра Наташи, ведет с князем Андреем доверительный разговор «о чувствах вообще и о своей сестре < > „Я думаю, никто так не был *courtis e*, как она,— говорила Вера, — но никогда, до самого последнего времени никто серьезно ей не нравился Вот вы знаете, граф,— обратилась она к Пьеру,— даже наш милый *cousin* Борис, который был, *entre nous*, очень и очень *dans le pays du tendre* „»,²⁹ — «говорила она, намекая на *бывшую в ходу тогда карту любви*»

²⁸ Замечания Б В Томашевского, одного из редакторов «Словаря языка Пушкина», по поводу слова «карта», сообщенные в письме И С Ильинской от 23 декабря 1956 г (из архива В А Плотноковой)

²⁹ Толстой Л Н Полн собр соч М, Л, 1930 Т 10 С 216, 403 Курсив мой

Западноевропейский роман, а также «грамматики» светского поведения типа «Любовного лексикона» обогащали русскую литературу XVIII века куртуазным опытом. Вместе с любовной тематикой разрабатываются любовные сцены и любовные диалоги, расширяется морально-этическая сфера русского языка, формируется лексическое ядро, связанное с любовным служением даме; соответствующий словарь связан с понятиями женской красоты, отношений любовного поклонения и ухаживания. Переводные романы широко предоставляли мотивы, приемы, повествовательную технику для изображения любви, расширяя тем самым и художественные возможности русской литературы.